

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЧЕНКО

ЯРОСЛАВСКИЙ МЯТЕЖ

5

ПЯТЫЙ РИМ

А. В. Васильченко

ЯРОСЛАВСКИЙ МЯТЕЖ

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2018

УДК 930
ББК 63.3(2)6
В 19

Оформление переплета М. Левыкина

Васильченко А. В.

В 19 Ярославский мятеж. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — 336 с., ил.

ISBN 978-5-9500936-6-1

В 2018 году исполняется 100 лет Ярославскому мятежу, который стал одним из первых актов Гражданской войны в России. В результате трехнедельного противостояния белых повстанцев и частей Красной Армии, в условиях городской застройки, процветавший до революции Ярославль был практически стерт с лица земли. От шальных пуль, артиллерийских снарядов, пожаров, голода и болезней погибли тысячи мирных людей. Велико было и число жертв террора, к которому прибегли обе противоборствующие стороны. Советские историки не уделяли Ярославскому восстанию особого внимания, поскольку не испытывали желания отвечать на неудобные вопросы. Долгие годы исследованиями событий июля 1918 года занимались местные энтузиасты. Эта книга является своеобразным итогом их работы и освещает историю Ярославского мятежа с максимально объективных позиций.

**УДК 930
ББК 63.3(2)6**

© **Васильченко А.В., 2018**
© **Издательство «Пятый Рим»™, 2018**
© **ООО «Бестселлер», 2018**

ISBN 978-5-9500936-6-1

Предисловие

Мне достаточно часто приходится водить гостей по исторической части Ярославля, той самой, планировка которой попала под охрану ЮНЕСКО, став третьим подобным объектом у нас в стране после Красной площади и Невского проспекта. Гости немало удивляются весьма причудливому, но в то же время восхитительному облику города, в котором средневековые строения могут спокойно соседствовать со сталинскими «ампирными» многоэтажками, при этом гармонично дополняя друг друга. В какой-то момент приходится открывать главный секрет Ярославля: все без исключения здания в нем в известной степени новоделы. После событий июля 1918 года, известных публике как ярославский мятеж, в городе не осталось ни одного целого дома, ни одной неповрежденной церкви. Тогда здания делились на два типа: во-первых, те, которые были полностью уничтожены (таких было большинство), во-вторых, те, которые были лишь частично повреждены (они и были затем отреставрированы). По большому счету к 1919 году город прекратил свое существование. Из живших в нем ста пятидесяти тысяч горожан осталось не более тридцати. Возрождение Ярославля пришлось уже на конец 20-х годов, когда он вновь появляется на карте, но уже как индустриальный центр, в котором, впрочем, сохранились исторические традиции.

Ярославский мятеж и его события с известной регулярностью продолжают касаться многих из современных горожан. При строительстве новых домов и ремонте

дорог нередко находят неразорвавшиеся снаряды эпохи Гражданской войны. Будучи студентом, я как-то спешил на лекцию, но мне пришлось сделать приличный крюк, так как путь вдоль одной из улиц был перегорожен саперами. «Бомбу обезвреживаете?» — спросил я, решив блеснуть своими познаниями в истории — в первые годы Великой Отечественной войны немцы истово бомбили железнодорожный мост через Волгу, который был стратегическим объектом исключительной важности, поскольку связывал Москву с «Русским Севером» и частью Сибири. «Нет, снаряд», — ответил кто-то из саперов. «Разве немецкие снаряды долетали до нас?» — изумился я. «Немецкие? — сапер хмыкнул. — Большевистские!» — сказал он с интонацией, за которую в советское время можно было быть приглашенным в заведение, известное в Ярославле как «серый дом». Чтобы понять масштабы обстрелов, равно как и вызванных ими разрушений, приведу такую цифру — по выражению одного из активных участников подавления «мятежа», *«в окончательном подсчете Ярославль имел честь скушать 75 тысяч снарядов за 16 дней»*. Гражданская война, между прочим, вообще не знала затяжных городских боев, тем и уникальна ситуация с Ярославлем. Две недели активного противостояния в городской среде более напоминают события Второй мировой войны. Если же принять во внимание исключительную жесточенность схватки, равно как и тот факт, что красные войска так и не смогли захватить город (восставшие предпочли капитулировать во избежание новых жертв), то в памяти всплывают Сталинград, Будапешт и Бреслау.

В наши дни «ярославский мятеж» воспринимается всего лишь как локальное событие, но на практике он мог иметь последствия едва ли не для всей мировой истории. Отнюдь не случайно, что мятежному Ярославлю Алексею Толстой посвятил несколько страниц в своей оде

гражданской войне «Хождение по мукам». События двух недель кровопролитных боев оказались умещены в одном емком и пугающем абзаце: *«И вот город охватило кольцо боя. На улицах рвались снаряды... Валились древние колокольни, падали дома, повсюду занимались пожары, их некому было тушить, солнце затянулось дымом. Не убирали даже трупов на улицах»*. Впрочем, в отличие от Алексея Толстого классическая советская историография ярославские сюжеты из июля 1918 года пыталась обойти стороной. Они выглядели дико даже с поправкой на эксцессы и неистовость, присущие началу гражданской войны. Существовали, конечно, сборники воспоминаний очевидцев, подготовленные в 20-е годы, отдельные региональные диссертации и даже целая монография, увидевшая свет в 1984 году (Р. Балашов, «Пламя над Волгой»). Однако связного рассказа о том, что же на самом деле произошло в Ярославле, не было. Исключение, пожалуй, составляет документальная повесть «Ярославль», которую написал Николай Чуковский — сын знаменитого детского поэта. Ее сложно отнести к категории исследовательской литературы, тем не менее Чуковский продолжительное время работал в Ярославле, беседовал с очевидцами, а потому в его повести есть в высшей мере интересные наблюдения.

Ситуация стала меняться в конце 80-х годов. Именно тогда сложился дружеский коллектив инициативных людей, которые занимались изучением событий июля 1918 года. Точкой притяжения стал сотрудник ярославского журнала «Агитатор» Владимир Александрович Мясников. Он много времени работал в обкоме КПСС, и ему были доступны партийные архивы, заглядывать в которые «простым смертным» возбранялось. К чести Владимира Александровича, человеком он был в высшей мере здравомыслящим, понимающим, что замалчива-

ние страшной страницы истории города может привести к самым печальным последствиям. Свои изыскания он облачал как в форму статей, так и в документальную прозу, полагая необходимым написать роман, который планировалось назвать «Красный туман». Деятельность Мясникова привлекла внимание других неравнодушных людей — братьев Ивана и Юрия Шевяковых (1952 года рождения). Их детство прошло в Мукомольном переулке Ярославля, учеба — в школе № 43. Уже тогда у мальчишек проявился интерес к прошлому города. Особенно к июльским событиям 1918 года. Их дом располагался между мельницей Вахрамеева и так называемым «американским» мостом через реку Которосль. Как потом выяснилось, в 1918 году это были позиции поручика Соколова, одного из активных участников мятежа. В начале шестидесятых годов еще можно было увидеть отметины боев, оставленные снарядами и пулями на кирпичной кладке церкви и зданий. Мальчишки нашли здесь трехлинейную винтовку с примкнутым трехгранным штыком, отыскали ржавый пистолет. По воскресеньям отец водил сыновей в расположенный под боком их дома музей. Мальчишки рассматривали диораму «Штурм железнодорожного моста в июле 1918 года». И конечно, памятную многим поколениям местных жителей трехдюймовую пушку с разорванным стволом. Считалось, что это орудие белых и подбито красными. И только спустя много лет братья достоверно узнали, что орудие это было «красным». Оказывается, в первые дни боев, когда батарея, возглавляемая бывшим старшим фейерверкером конной артиллерии Канунниковым, интенсивно обстреливала с Туговой горы белых пулеметчиков на мельнице Вахрамеева, прикрывая проход к станции Всполье эшелона с бойцами сводного московского красного отряда, в канале ствола третьего орудия внезапно разорвался снаряд, ранивший одного

из артиллеристов. По-настоящему событиями 1918 года Иван и Юрий Шевяковы заинтересовались, когда выполняли школьное задание. Тогда им пришлось столкнуться с реальной, непричесанной историей ярославских боев.

В одной из газетных статей отмечалось: *«Братья иногда пускались на безгрешные хитрости, проникая в труднодоступные места, выкраивали время, но шаг за шагом продвигались вперед. Иван с места на место службы повсюду возил с собой архив, папки которого обозначены так: „Два цвета Ярославля“. Особенно успешно он их пополнял в Москве, учась в военной академии, имея доступ в музеи, архивы, библиотеки. Довести дело до конца он не успел. Он ушел из жизни на 38-м году жизни».* В одном из последних писем, адресованных своему брату Юрию, Иван Шевяков писал: *«Дорогой братик! Много различных толкований в разное время было у ярославских событий восемнадцатого года, но до сих пор о них не только не рассказана вся правда, но даже и не рассказано вполне правдиво! Видимо, нам стоит приложить к этому делу свои братские усилия и попытаться рассказать о тех днях с позиций беспристрастного историка, то есть правдиво, скрупулезно проанализировать все исторические факты и события тех грозных дней гражданской войны... Призываю тебя к совместному братскому труду. Может быть, когда-нибудь эта наша работа превратится в хорошую книгу. Ведь времена меняются, а любое честно сделанное дело никогда не пропадет, оно всегда оставит свой след в истории!»*

После смерти брата Юрий Николаевич Шевяков продолжил собирать материал по истории ярославского мятежа. Эта работа заняла почти двадцать лет: с 1959 по 1990 год. Итогом ее стали обширные тетради, которые делились на несколько категорий. Одни братья называли «опусы» (Оп-1, Оп-2, Оп-3), другие — «архивные книги»

(АК), а еще были «печатные книги» (ПК). Каждая из таких тетрадей была составлена из стандартных 50–60 листов, которые были отпечатаны на машинке. Кроме этого, имелось 29 рукописных «томов».

К содружеству «краеведов», ядром которого были В.А. Мясников и Ю.Н. Шевяков (с начала 90-х они стали готовить совместные публикации в форме газетных статей), примкнули активисты поисково-исследовательской группы «Июль 1918» Андрей Бенедиктович Киселев и Николай Ульянович Козак. Оба они прекрасно понимали, что «время работает не на нас», а потому разыскали всех, кто хоть что-то помнил о событиях 1918 года. Сейчас их проект был бы назван «живой историей». Автор этой книги также помогал группе «Июль 1918» в части поиска очевидцев или их родственников, помнивших рассказы предков. Среди таковых оказался один из лидеров легализованного в годы перестройки ярославского монархического движения Григорий Дмитриевич Дубровский, который помнил рассказы своего деда. Тот был активным белогвардейцем, в отличие от многих чудом избежавший расправы. Сам Г.Д. Дубровский не раз вспоминал, что его дед красочно рассказывал о том, как из последних сил удерживал железнодорожный мост через Волгу, ожидая прибытия десанта «союзников из Антанты». Что показательно, дед внушал внуку не доверять Антанте, которая предала ярославцев, а потому он ненавидел западные державы больше, чем «большевиков и немцев вместе взятых».

Надо отметить, что ярославцы уже давно подспудно симпатизируют тем, кто оказался на стороне «мятежников». С этим связано множество легенд. От самых странных — что-то вроде регулярно появляющегося в городе призрака погибшего в 1918 году поручика, до вполне реальных. Одна из легенд рассказывает о том, как на одном селе близ Ярославля объявился «комиссар» Мефодька

Шашкин. С маузерами на каждом боку, в сопровождении отряда, он кричал, что как член партии социалистов-революционеров изведет всю «контру» под корень. Для начала отряд заявился в усадьбу мелкопоместных дворян Стеколиных. «Эксплуататоров» арестовали, усадьбу разграбили, а потом в пьяном раже и сожгли. Однажды, узнав, что в селе Андроники на вечеринке гуляют молодые офицеры, вернувшиеся с войны, Мефодька решил расправиться и с ними. Но офицеров предупредили, и они бежали в лес от произвола «комиссара». Мефодька с отрядом стал прочесывать лес, наткнулись на одного «золотопогонника» и тут же расстреляли его. Второму повезло больше, его или не нашли, или кто-то пожалел односельчанина и не выдал на расправу «комиссару». Сам Мефодька вскоре был расстрелян большевиками за мародерство. Так вот суть этой истории в том, что второго спасшегося офицера звали Федор Толбухин. Тот самый Толбухин, который станет маршалом Советского Союза, освободит Крым, избавит от нацистов Балканы, а заодно в битве у озера Балатон окончательно добьет почти все немецкие танковые войска, тем самым предопределив победу Красной армии в европейской части континента. Легендами обрастали не только события, но даже попытки пролить свет на эти события.

Итоги совместной работы первоначально планировалось подвести в 1993 году, то есть к 75-летию со времени ярославского мятежа. Однако если принимать во внимание обстановку в стране в то время, то тема мятежников, противостоящих Москве, у органов власти не вызывала особого энтузиазма. До следующего юбилея, который приходился на 1998 год, не дожили, увы, ни Мясников, ни Шевяков. На этот раз итоги многолетней работы предполагалось подвести силами активистов поисково-исследовательской группы «Июль 1918», которые при поддержке

местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры провели представительную научно-практическую конференцию. Тогда в Ярославле прошло еще три менее важных мероприятия. Конференция КППРФ, которая не скрывала своего узкопартийного подхода. Расширенное заседание Губернского общественного Совета, по сути закрытое, попасть на которое можно было исключительно по специальному пропуску. Странным было еще и то, что на это мероприятие приглашалась публика, скажем так, исключительно ультралиберальная. Прошло еще подобие научной конференции в областной библиотеке. Впрочем, после того, как профессор М.Г. Мейерович пригласил за кафедру участника группы «Июль 1918», сопроводив приглашение словами: *«А сейчас нам Андрей Бенедиктович поведаёт сказки от детишек из 1918 года»*, возникло подозрение в научной объективности организаторов мероприятия. По крайней мере, вот вам иллюстрация того, как «маститая» советская профессура относилась к «живой истории».

Когда волна ажиотажа спала, группа «Июль 1918» вышла на областную администрацию (область тогда возглавлял А.И. Лисицын) с предложением опубликовать те самые итоги многолетней совместной работы. Предполагалось, что это будет трехтомник: роман В.А. Мясникова «Красный туман», материалы конференции, к которым прилагались собранные свидетельства очевидцев и их родственников. Отдельным томом предполагалось опубликовать то, что тогда среди заинтересованной публики называлось «Архивами братьев Шевяковых». Старт проекта внушал оптимизм — он прошел несколько этапов программы по книгоизданию, получил специальный грант. Материалы стали готовить к публикации. А вот дальше случилась самая настоящая детективная история. Областная администрация отказалась воплощать в жизнь про-

ект, а подготовленные к публикации материалы исчезли в неизвестном направлении. Вместо этого было решено опубликовать тезисы выступлений участников Губернского общественного собрания (тех самых ультралибералов, что общались в закрытом режиме). Это было бы еще полбеды, если бы для публикации официальная структура не выбрала издательство «Посев». Тот самый «Посев», что сначала сотрудничал с гитлеровцами, а затем с западными спецслужбами всех мастей, став символом не столько «антисоветизма», сколько откровенной русофобии. Когда участников поисково-исследовательской группы «Июль 1918» пригласили в областную администрацию, чтобы вручить им специальный ярославский выпуск «Посева», они отказались принять подобный дар. Например, Андрей Бенедиктович Киселев отметил: *«Я отказался даже взять это в руки из чувства внутренней брезгливости».*

Позднее предпринимались многочисленные попытки издать хоть что-то связанное и логичное по истории Ярославля 1918 года: выходили статьи, показывались filmy, публиковались сборники документов (странным образом напоминающие «Архивы братьев Шевяковых»¹ с небольшими «вкраплениями»). Однако последовательного и детального изложения событий, в ходе которых был уничтожен Ярославль, так и не случилось. Раз уж точка в этой истории не была поставлена двадцать лет назад, то ее надо поставить сегодня.

¹ Оригинальные тетради, которые готовились братьями в течение двадцати лет, по завещанию Юрия Николаевича Шевякова в середине «нулевых» были переданы Ярославскому музею-заповеднику, где заняли достойное место и помогли в формировании выставочной экспозиции «Расстрелянный Ярославль».

Глава 1

Город купцов и приказчиков

Ярославль в своей исторической части расположен на территории между двумя реками: небольшой Которослью и Волгой, в которую она впадает. Здесь великая река еще не настолько широкая, как, например, в Поволжье. До революции Волга в городской черте в засушливое лето могла обмелеть настолько, что ее можно было перейти вброд. Это уже после того, как в 40-е годы возникло Рыбинское водохранилище, рукотворное море Центральной России, Волга специально углублялась, дабы стать полноводной и пригодной для стратегического судоходства. Цель была достигнута, хотя и не без потерь — в результате изменения природных ландшафтов и топографии дна Верхняя Волга раз и навсегда лишилась благородной рыбы. А ведь еще каких-то сто лет назад осетров, стерлядь и белорыбицу ловили прямо в черте города. Надо отметить, что ярославец почти никогда не жил с земли: одних кормила Волга, другие промышляли ремеслом и торговлей. Это сформировало специфический местный менталитет, который Гоголь отразил в пассаже про птицу-тройку, упомянув *«расторопного ярославского мужика»*. Позже Сталин, не без симпатий относившийся к Ярославлю (хотя бы по причине того, что волжский город жутко ненавидел Троцкий), любил упомянуть *«хитрого ярославца»*. Как-то Вячеслав Молотов передал писателю Феликсу Чуеву слова *«вождя»* по этому поводу: *«В Яро-*

славле, говорил он, такой оборотистый живет народ, что евреев там почти нет, там сами русские выполняют эти функции». Действительно, в Ярославле было много купцов, да и прохиндеев — тоже. Собственно, своим официальным возникновением город обязан неприятному инциденту. Живший в здешних краях народец любил грабить проплывавшие мимо корабли, что никак не устраивало ростовских князей (Ростов Великий, расположенный чуть севернее Ярославля, ранее считался более древним и важным городом). По легенде, поехавший наводить порядок князь Ярослав (предположительно Ярослав Мудрый) зарубил секирой тотемного медведя, которого местные жители выпустили на прибывших «гостей». С тех пор на гербе Ярославля изображен медведь с секирой. Сам же князь повелел заложить на месте поселения «Медвежий угол» (древние хронисты, к великому сожалению, не удосужились сообщить ни его историю, ни возраст), город-крепость, названный его именем. Так, собственно, и возник Ярославль, который в 2010 году отпраздновал свое тысячелетие.

До какого-то момента история Ярославля была вполне стандартной для России и для обычного города. Стал центром самостоятельного княжества, не раз разорялся ордынцами, выступил в союзе с Москвой в борьбе против Твери. Возвышение города начинается в царствование Ивана Грозного. Тот вообще благоволил северным городам: Вологде, Александрову, Архангельску. Ярославль не был исключением. Именно здесь грозный монарх чудесным образом исцелился от тяжкого недуга — болезни ног, а потому регулярно бывал на богомолье либо в лежащем на берегу Волги близ города Толгском монастыре, либо в расположенном в самом центре Ярославля Спасо-Преображенском монастыре, который и гости города, и сами ярославцы иногда по привычке называют

«кремлем». Исключительно важное стратегическое положение Ярославля было обнаружено, когда англичане начали торговать с Россией через Архангельск, открыв путь через Северное море. Пересечение торговых путей, пролежавших как по Волге (запад — восток), так и до Москвы (север — юг), делает Ярославль крупным торговым центром. Здесь постоянно находятся иностранные купцы, открываются зарубежные торговые фактории. «Смута» несколько урезала аппетиты ярославских купцов. Но Ярославль несколько раз дает отпор полякам, став одним из центров сплочения «национально-освободительных сил». Весной 1611 года из Ярославля во все стороны рассылались грамоты, в которых содержался призыв направлять в город ратных людей. Считалось, что этот призыв относился к ополчению Ляпунова, то есть первому ополчению. Но доподлинно известно, что ополчение Ляпунова никогда не собиралось в Ярославле. Кроме того, грамоты, посланные, например, в Казань, могли достигнуть города не раньше лета, когда «ляпуновцы» уже стояли под стенами Москвы. Опять же, первые попытки противостоять полякам и самозванцам были зафиксированы именно летом 1611 года и именно в Казани. В августе 1611 года казанцы снесли с нижегородцами и выработали соглашение, что отвергнут любого царя, посаженного на трон «без согласия на то земли». В Ярославль, который на время становится столицей России, стекаются отряды ополченцев — в том числе из Нижнего Новгорода. Сразу отметим, что в списке сформированного в Ярославле «русского правительства» — «Совета всея Земли» князь Пожарский и Кузьма Минин значились соответственно на десятом и пятнадцатом местах. В данном случае важным было не то, что ярославские купцы выступили финансистами ополчения, а то, что они существенно помогли утверждению новой династии. Первоначально представители

Земского собора 1613 года направились в Ярославль, так как полагали, что юный Михаил Романов находится именно здесь. Позже за ним в Кострому послали малую делегацию, устроив широкую встречу на подъезде к Ярославлю. После окончания Смуты целый ряд ярославских купцов получил, говоря нынешним языком, феноменальные налоговые послабления от нового царя — Михаила Федоровича. Они были провозглашены «государевыми гостями». Начался неслыханный расцвет Ярославля — в городе было принято, что в каждом квартале (одна купеческая семья) должна быть собственная каменная церковь. Приблизительно на полтора века Ярославль становится купеческой столицей России. Благодарность царя Михаила ярославским купцам за вклад в дело прекращения Смуты была настолько огромной, что одного из них — Надею Светешникова — он сделал личным закупщиком товаров для царского двора. Одновременно с этим Светешников получил под свой контроль почти все поставки и производство соли в России. Его деловые интересы простирались от Архангельска до Перми и Самары. Он нанимал ватаги рискованных людей и посылал их осваивать Восточную Сибирь. В России почти в каждом городе стояла лавка Светешникова либо действовал его приказчик. Кроме этого, ярославские купцы контролировали торговлю пушниной и добычу рыбы.

Утрата статуса «купеческой столицы» связана с изменением торговых путей, что, в свою очередь, было связано с появлением Санкт-Петербурга. Впрочем, Ярославль от этого пострадал не очень сильно. В городе начинается бурный расцвет фабричного производства. Ярославская Большая мануфактура снабжает всю страну дешевым ситцем (изначально «ситцевая Русь» — это именно Ярославский край), а белильные заводы производят краски в общенациональных масштабах. Кроме того, в Ярославле

возникает первый русский академический театр, а его создатель Федор Волков становится на некоторое время приближенным лицом молодой Екатерины Второй. Именно Волков был постановщиком коронационного шествия «Торжествующая Минерва». Именно с этого момента отличительной чертой Ярославля становится странная смесь из предприимчивости, смешанной, с одной стороны, с фанатичными верноподданническими настроениями, но с другой стороны — с культурными устремлениями. Политический типаж, крайне отличный от реакционного Скалозуба, но более близкий к просвещенному консерватору или даже к консервативному революционеру. Если говорить о городском политическом ландшафте начала XX века, то на нем гигантской глыбой высилось самое многочисленное в России отделение «Союза русского народа». Только по официальной статистике в нем состояло более 23 тысяч человек. Из них почти треть была весьма активной. Политический вес этой монархической организации был столь велик, что даже местная либеральная пресса (таковая была, наверное, в каждом городе) не решалась назвать ярославских монархистов черносотенцами. Вместо этого привычного для многих слова использовался другой термин — «союзники» (от «Союза Русского народа»). В этом обозначении звучал и потаенный страх, и нескрываемая зависть на предмет того, что монархистам удавалось настолько мобилизовать народные массы в Ярославле.

Когда в «Союзе Русского народа» произошел раскол, то на общероссийском уровне считалось, что главной будет та ультраправая организация, которая сможет привлечь на свою сторону ярославцев. Однако, к великому разочарованию и Дубровина, и Пуришкевича, и Маркова, ярославские «союзники» дистанцировались от всякой фракционной борьбы. Их предводитель доктор Кацауров

посчитал, что надо бороться за объединение усилий, а не стремиться к размежеванию. В итоге ярославцы, как пожарная команда, выезжали на многие митинги и шествия в соседние регионы, где выступали своего рода активным костяком, хотя и не были местными. В городе в либеральной среде даже родилась шутка, связанная с революционными волнениями в Турции: *«Турецкий паша пригласил ярославских союзников, дабы те научили работе турецких черносотенцев»*. Между тем нельзя сказать, что доктор Кацауров был каким-то ограниченным «охотнорядцем». Внешне он чем-то напоминал критика Добролюбова: длинные волосы, небольшие очки, ни усов, ни бороды. Он был весьма уважаемым человеком в городе — Кацауров создал и лично практиковал в одной из самых современных на тот момент офтальмологических клиник, которая располагалась в Ярославле на Волжской набережной. Когда в 1915 году он ушел из жизни, то благодарные горожане сочинили что-то вроде траурной оды:

*На что ни взглянешь в этом зданье,
Напоминает нам о том,
Что самым первым от созданья,
Здесь Кацауров был врачом.
Вот здесь, при входе, он молился
Перед иконою святой,
Там, за столом, писать садился,
Тут ожидал его больной.*

Другой отличительной политической чертой Ярославля было фактическое отсутствие крупных революционных потрясений. Впрочем, даже в городе на Волге не обходилось без исключений. В 1895 году квартировавший в Ярославле Фанагорийский полк был вынужден применить оружие в отношении рабочих Ярославской Боль-

шой мануфактуры. А на подъеме революции, 5 декабря 1905 года, казаки разогнали «мирную» демонстрацию, которая настойчиво пыталась прорваться к губернаторской резиденции. Кстати, разгон начался после того, как «мирные» рабочие открыли огонь по казачьему разъезду, и несколько казаков было убито. Тем не менее ничего подобного уличным сражениям в Москве или Санкт-Петербурге в Ярославле не было. Зато, как и везде, в Ярославле случалась масса чиновничьих недоразумений. Взять хотя бы целую эпопею, стартовавшую в мае 1911 года. В один из теплых дней этого славного месяца служащие местной казенной палаты приняли решение упразднить рукопожатия. Этот обычай, практикуемый издревле при встрече и прощании, был провозглашен *«ненужным, неинтересным и впустую отнимающим время»*. Нет чтобы признать несуразность решения, чиновничество решило обосновать его, чем еще более усугубило обстановку. В частности, заявлялось: *«Люди обставили свою жизнь и стесняют себя столькими, действительно, не имеющими за собою разумных обоснований обычаями условностями вроде визитов, рассылки визитных карточек и т. п., что всякий шаг к высвобождению от этих „китайских“ церемоний можно только приветствовать»*. И вот на этом бы и закончить полемику, развернувшуюся между ироничной публикой и некоторой частью чиновничества. Ан нет! Служители карандашей и счет решили найти новые аргументы, чем вызывали новый поток неприкрытых насмешек. Наверное, им не стоило отмечать, что рукопожатия и поцелуи *«с медицинской точки зрения признаются антигигиеническими»*. Острословы замечали по этому поводу, что рукопожатия могут способствовать распространению чахотки, а потому служащие казенной палаты непременно должны были стать активистами Общества Белой Ромашки (оно занималось борьбой с туберкулезом).

«Но были ли в Ярославле приличные чиновники?» — спросите вы. Разумеется. Если верить источникам, то это в первую очередь были ярославские губернаторы. Например, Дмитрий Николаевич Татищев, возглавлявший губернию накануне Первой мировой войны, терпеть не мог «продвиженцев» по службе. В одном из обращений к местным полицейским чинам он заявил: *«Раз чиновнику потребовалась протекция, то, следовательно, его служебная деятельность не настолько безупречна, чтобы быть отмеченным его прямым начальством»*. И в подтверждение этого начал борьбу с коррупцией, первой жертвой которой «пал» пристав первой части Нечаев. Его вина заключалась в том, что в служебное время он распространял билеты на бенефис госпожи Нежиной. Кроме того, было подозрение, что он выдал залог бывшему содержателю летнего театра на Казанском бульваре Бишоф-Сокольскому. Делать было нечего — за дело взялся ярославский полицмейстер Н. Волков, но в тот момент Нечаев отделался лишь тремя сутками, проведенными на местной военной гауптвахте.

Еще более героической фигурой выглядел предшественник Татищева, губернатор Александр Александрович Римский-Корсаков. Брат знаменитого композитора, убежденный монархист, он жестко пресекал любые революционные волнения как в городе, так и в губернии. Так что не было ничего удивительного в том, что 28 февраля 1907 года местная ячейка партии эсеров организовала на него покушение. В тот день к нему в приемную пришел якобы студент Демидовского лицея, принесший приглашение на концерт. Когда губернатор стал расспрашивать о концерте, визитер выхватил браунинг, но выстрелить не успел. Завязалась борьба, подоспели служащие канцелярии, покушавшегося скрутили. Оказывается, Римского-Корсакова спасло то, что террорист забыл снять пистолет

с предохранителя. Не успело пройти с момента эксцесса нескольких дней, как ярославский поэт В. Колесников сочинил творение, называвшееся «Ярославский губернатор и революционеры». В этой поэме интересно не столько рифмованное описание самого покушения, сколько подчеркнутые качества губернатора:

*...Двери смело открывает
Любой бедняк, иль инвалид,
Кому погибель угрожает
От сильных, или от нужды,
Тот здесь поддержку получает,
Защиту от лихой беды.
Был час — нуждою удрученный
Народ сюда толпой валит,
Утешен каждый выходил.*

Глава 2

«Тихая» губерния

Октябрьская революция дошла до Ярославля в мирном виде. Сообщение о победе вооруженного восстания в Петрограде ярославцы получили 26 октября. Как говорила советская историография, «в этот день на всех митингах и собраниях рабочие требовали перехода власти к Советам». 27 октября 1917 года Ярославский Совет совместно с представителями фабрично-заводских и полковых комитетов, несмотря на сопротивление меньшевиков и эсеров, большинством голосов (88 «за», 46 «против», 9 «воздержались») постановили: *«Передать власть в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»*. Сами ярославцы реагировали на революции 1917 года (что Февральскую, что Октябрьскую) настороженно и без лишних слов. Однако передать власть Советам в Ярославле оказалось много проще, нежели удержать. Город и губерния стали напоминать паровой котел, у которого сломался клапан. Недовольство нагнеталось, причем нагнеталось в открытом виде. Постепенно становилось очевидным, что дело вовсе не кончится мирным исходом. 27 января 1918 года в Ярославле произошел первый мятеж. В тот день группа солдат 211-го запасного пехотного полка во главе с командиром полка Власовым подошла к штабу Красной гвардии и потребовала разоружения красногвардейцев и выдачи членов штаба. Находившихся при штабе красногвардейцев разоружили и отправи-

ли в Дом Народа на Волжской набережной, где учинили над ними «судебное разбирательство», то есть самосуд. Главным вопросом, который разбирался на самозваном суде, был вопрос о том, нужна ли Красная гвардия. От расправы красногвардейцев спасло только чудо. На следующий день командующему войсками Московского военного округа Муралову сообщали: *«События в Ярославле таковы. Здесь давно велась агитация против красной гвардии, как некоторыми несознательными солдатами, так и обывателями; поводом к этому были отрицательные явления отдельных красногвардейцев. 27 января 211-й запасной пехотный полк пришел к Центральному штабу Красной Гвардии, обезоружил его и десятка три красногвардейцев. Попы усиливали это контрреволюционное движение. Поговаривали о выступлении против рабочих и местного совета. Я приехал в Ярославль 27 января в 12 часов ночи. Тот час же было устроено заседание Исполнительного Комитета, где выяснилась опасность момента. В 12 часов утра 28 января устроил заседание президиумов полковых комитетов семи воинских частей совместно с командирами и комиссарами частей по вопросу о разоружении красной гвардии и дележа полкового имущества. На этом заседании я выяснил, что не все полки стояли за разоружение красной гвардии». Тогда ярославский Совет предполагал решить проблему путем введения в губернии и в городе военного положения, а всех недовольных предлагалось расстреливать на месте. «С контрреволюционными агитаторами и погромщиками буду поступать беспощадно, начиная с арестов и кончая расстрелами без всякого суда и следствия. Но так как в Ярославле 60 церквей и три монастыря, поэтому непорочных отцов здесь весьма достаточное количество для подобной пропаганды и получены сведения, что в церквях они призывают к вооруженному восстанию».*

Упоминание священнослужителей в связи с беспорядками было отнюдь не случайным. На следующий день, то есть 28 января 1918 года, в Ярославле начался так называемый поповский мятеж. Сведения о нем сохранились совсем отрывочные, поэтому придется ограничиться информацией, которая приводится в официальной советской историографии. *«Церковники вместе с меньшевиками и правыми эсерами, бывшими чиновниками, кацауровцами открыто выступили против Советской власти. Под видом „крестного хода“ толпа черносотенцев с пением: „Боже, царя храни!“ заполнила некоторые улицы центральной части города. В толпе раздавались призывы к погромам и свержению Советской власти, а также провокационные выстрелы. На Екатерининской (затем Крестьянской) улице „богомольные“ лавочники избili нескольких советских служащих, а потом с ружьями, топорами и револьверами напали на группу красногвардейцев в районе „Мытного“ рынка. Красногвардейцы были обезоружены и избиты. Такие же беспорядки в тот же день происходили и на других улицах города. Выступали ораторы-черносотенцы, раздавались призывы к разоружению Красной гвардии и милиции. Подоспевшие красногвардейцы совместно с отрядом солдат только лишь к вечеру сумели восстановить порядок в городе».*

На февраль 1918 года в Ярославле было намечено несколько крупных крестных ходов, и представители советской власти откровенно боялись, что дело закончится новыми беспорядками и попытками разоружить Красную гвардию (забегая вперед, можно сказать, что только зимой 1918 года подобных попыток было по меньшей мере три). В Москву летит очередной запрос: *«17 февраля назначают крестный ход, а пока ведут усиленную свою агитацию, то я прошу ваших указаний, как поступать с этими лицемерами, святыми отцами. Арестовывать их и сажать ли в тюрьму или запереть церкви и монастыри?»* Впрочем,

Ярославский Совет не решился на столь радикальные меры. Ссылаясь на уважение чувств верующих, религиозное шествие в этот день официально разрешили. Однако было сделано строгое предупреждение, что ответственность за сохранение порядка будет возложена на духовенство. Одновременно Ярославский Совет опубликовал обращение к населению Ярославля. В нем говорилось: *«Духовенство, опечаленное по материальным соображениям отделением церкви от государства, занялось вместо проповедей о смирении и кротости агитацией, направленной к свержению Советской власти. Крестный ход, назначенный на 17 февраля, направлен против власти рабоче-крестьянского правительства»*. Обращение далее призывало население города не поддаваться на провокации, соблюдать спокойствие и выдержку. Для поддержания порядка в городе и уезде были выделены небольшие воинские отряды, в которых предварительно прошли митинги и собрания. Общее собрание солдат 211-го полка постановило: *«Никакого участия в крестном ходе, устраиваемом буржуазией и попами, не принимать, и 211-й полк заявляет, что он твердо стоит на страже интересов трудящихся»*. На случай вооруженных выступлений контрреволюции городской комитет партии образовал чрезвычайный штаб, которому были подчинены воинские части. Штаб возглавили большевики П.Д. Будкин и Д.И. Гарновский. Несмотря на имевшие место во время крестного хода провокационные призывы, участники шествия мирно разошлись по домам.

Опасаясь, что ситуация выйдет из-под контроля, 3 марта 1918 года Ярославский губисполком обращается в исполнительный комитет Ярославского Совета об объявлении губернии на военном положении. *«Управление губернией должно быть передано Губернскому Военно-Революционному Комитету; ему же подчиняются все во-*

оруженные силы в губернии. При этом все общественные учреждения и заведения с 11 часов вечера до 6 часов утра прекращают работу, а на аналогичное время прекращается движение по улицам без особых пропусков местных советов воспрещается, то есть вводится “комендантский час”». Самым важным в этом обращении был призыв к «беспощадной борьбе вплоть до расстрелов с погромной агитацией, спекуляцией и контрреволюцией». Также планировалось запретить проведение без особого разрешения любых собраний, митингов и сборищ. Положение было отменено только в последних числах апреля. Впрочем, это вовсе не значило, что обстановка в городе нормализовалась. 31 марта 1918 года «Известия советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии» № 56 публикуют приказ ярославского комиссара Красной гвардии и губернского комиссара гражданской милиции, в котором среди прочего сообщалось: «Принимая во внимание замыслы кучки несознательных железнодорожников относительно разоружения красногвардейцев, истинных борников свободы и революции, я, губернский комиссар гражданской милиции и красной гвардии, категорически заявляю: всякий, кто бы ни был, если позволит напасть на рабочую красную гвардию, не имея мандата от Совета, есть контрреволюционер, и по отношению к нападающему будут приняты самые суровые меры наказания по законам военного времени». Как видим, действия против Красной гвардии были готовы предпринять уже не пресловутые черносотенцы, а железнодорожные рабочие.

О радикализации настроений и желании применить вооруженную силу можно прочесть в сохранившихся дневниках потомка старинного дворянского рода, поручика кавказской горной артиллерии Александра Лютера. В последние дни февраля он делает запись: «Под Рыбин-

ском один богатый купец... стоял на полустанке. Мимо него проходили эшелоны с войсками, пушками, повозками.

— Братцы! Продайте пару пушек!

— Дашь 200 рублей — свалим.

Купец заплатил 200 рублей, и ему скатили с платформы две пушки и дали в придачу шесть зарядов. Свез он пушки в свое имение, поставил у дома, направил на деревню, зарядил и созвал крестьян.

— Вот две пушки, — сказал он им, — обе заряжены. Вернувшиеся с фронта сыновья умеют стрелять. Вы можете со мною делать что хотите: жечь, громить, что угодно, но знайте, что от вашей деревни ничего не останется.

И с тех пор у купца с крестьянами хорошие отношения...»

31 марта в Ярославле начались массовые беспорядки, которые рисковали перерасти в открытые столкновения. Некоторые из историков, словно желая оправдать положение советской власти, писали по этому поводу: «Крайне тяжелое положение с продовольствием в Ярославле и других городах губернии было обусловлено многими причинами. Сказывался недостаточный подвоз продовольствия для этого потребляющего региона. Неурожайным на многие культуры был в губернии предыдущий год. Но отчасти продовольственный кризис был вызван и политическими причинами. Очевидец и участник многих событий в Ярославле в октябре 1917 г. — июне 1918 г. Р. Гольдберг позже вспоминала, что сотрудники продовольственной управы одними из первых объявили саботаж новой власти, пытаясь вызвать недовольство населения. Когда же их как саботажников уволили и стали заменять советскими работниками, то они уничтожили при передаче дел многие важные документы, статистические сведения, отчеты и проч.». В сборнике, посвященном ярославскому мятежу, «Шестнадцать дней» отмечалось, что попытки разгрома продовольственных

лавок и складов не имели случайного характера, чувствовалась определенная организованность. Она проявлялась, в частности, в том, что в момент таких конфликтов неожиданно появлялись люди с мешками, корзинами и прочей тарой, заранее приготовленной на случай разгрома складов.

Так что же случилось в Ярославле 31 марта 1918 года? Официальная сводка описывала начало событий так: *«Вчера утром около 9–10 часов толпа в количестве более 2000 человек граждан из волостей Сереновской, Бурмакинской и Диево-Городищенской, состоявшая, главным образом, из сельских кулаков и спекулянтов, явилась к Продовольственному Отделу, находящ. на Волжской набережной в д[оме] Кузнецовой, с ультимативными требованиями о выдаче хлеба. Темные личности, воспользовавшиеся особенно нервным настроением толпы, стали агитировать за разгром Продовольственного Отдела, указывая на некоторые дефекты в работе Отдела и распространяя совершенно нелепые слухи о деятельности членов такового. К моменту прибытия на занятия служащих и членов Отдела толпа была уже достаточно подготовлена к выступлениям погромного характера. Отдельные личности в толпе были вооружены охотничьими ружьями. По прибытии на службу членов Отдела толпа вначале не пропускала их в помещение, но после уговоров пропустила; из толпы вошло в помещение Отдела около 150 человек с требованиями о немедленном отпуске хлеба».*

После этого была предпринята попытка начать переговоры, для чего предлагалось каждой из волостей делегировать по три человека. Однако собравшихся крестьян это явно не устраивало: *«Толпа не слушала предложений, не давала говорить, не избирала делегатов и не выпускала председателя и членов Отдела из помещения; запрудив помещение Отдела, толпа осыпала служащих градом ругательств, угроз».* Далее штаб Красной гвардии направил

для наведения порядка десять человек, которым явно было не по силам справиться с двумя тысячами возмущенных крестьян. Часть красногвардейцев успела скрыться в помещении, остальных разоружили и избили. Во время борьбы один из них, защищая голову от ударов, присел, держа винтовку отвесно перед собой, и произвел выстрел вверх; толпа расступилась. Но через минуту из толпы начали стрелять по зданию. В этой стихийной перестрелке погибли два человека. Окончание инцидента местная газета описывала так: *«Напуганные стрельбой и обнаружением трупов женщины из толпы разбежались, оставшиеся мужчины частью пошли искать поддержки у солдат местного гарнизона, а частью отправились в бывшую гостиницу „Столбы“, и сборище у здания Отдела разошлось».*

Однако спокойствие оказалось временным: на следующий день после этого столкновения начались массовые волнения среди рабочих Ярославской Большой мануфактуры. Наблюдатели сообщали: *«Состоялся грандиозный митинг, на котором некоторые представители правых политических партий недвусмысленно выступали против Советов, и, что знаменательно, они пользовались успехом у несознательной части собрания».* Чтобы успокоить рабочих, прибыл председатель губисполкома Доброхотов и *«разъяснил, что Советы рабочих, солдат и крестьян сейчас принимают самые решительные меры для изыскания хлеба и вообще продовольствия. Советы строго следят и контролируют всю деятельность [продовольственных] отделов, для чего на днях избрана чрезвычайная комиссия по борьбе со спекуляцией и следственная комиссия для расследования всей деятельности Продовольственных отделов».* В своем выступлении он прибегал к откровенной демагогии. Например, при принятии во внимание совокупности исторических фактов следующие аргументы выглядят как обыкновенное пустословие: *«Не вина Сове-*

тов в том, что нельзя быстро за три месяца Советской власти наполнить всю страну хлебными запасами, когда продовольственная разруха так тяжела. Когда в наследие от старого режима, от господства Керенских осталось для Советской власти разрушенная, голодная и измученная страна. Теперь дело за самосознанием рабочих, за их революционной выдержкой и рабочей дисциплиной поднять страну, вывести на светлый путь социализма и не дать погибнуть великой русской революции».

Между тем беспорядки и не думали прекращаться — они лишь ширились. Началась забастовка железнодорожных рабочих, волнения перекинулись на соседние города. 2 апреля на почве продовольственного кризиса начались беспорядки в городе Рыбинске. События во многом напоминали ярославские — в продовольственный отдел явилась толпа крестьян из близлежащих деревень с требованием немедленной выдачи хлеба. К толпе присоединилась манифестация железнодорожников, враждебно настроенная к местному Совету. Свидетель сообщал: *«Вся эта толпа направилась к Совету и к Старой Бирже, где находились склады муки. По отношению к отдельным деятелям Совета было применено грубое насилие; они были избиты. Затем толпа направилась к Старой Бирже, покусаясь разграбить мучные запасы. Назревала полная картина самосудов и погромов. В этот момент Красной армией была применена сила оружия и раздались выстрелы. Оказалось, что и железнодорожники запаслись на „всякий случай“ оружием и пулеметами. Началась форменная перестрелка, закончившаяся поздно вечером».* Фактически в Рыбинске началось вооруженное антисоветское выступление.

На другой день, 3 апреля, Исполнительным Комитетом Советов г. Рыбинска было опубликовано следующее воззвание: *«Товарищи и граждане! Контрреволюционные темные силы окончательно обнаглели. Примазавшись к де-*

монстративному движению железнодорожников, требовавших освобождения из-под ареста М.Я. Михайлова, Левина и других, кучки разжалованных офицеров, студентов, помещичьих и купеческих сынков и прочей белогвардейской швали решили использовать момент и начать атаку против Советской власти. Через несколько минут движение переросло их инициаторов — меньшевиков и железнодорожников и приняло явный контрреволюционный характер. Потребовалось вмешательство вооруженной силы, чтобы спасти от самосудов толпы целый ряд членов Исполнительного Совдепа. Все громче и громче, смелее да смелее раздавались голоса, что пора уже окончательно расправиться со столь ненавистным для всей буржуазии и мародеров советом депутатов. Красными знаменами железнодорожников воспользовались все заклятые враги Революции, которые до сих пор и пикнуть не смели. Теперь эти черные гады вылезли из своих нор и пытаются задуть Рабоче-Крестьянскую власть. Но да не будет этого! Советская власть не допустит осуществления затаенных вожделиний явных и скрытых контрреволюционеров». После этого последовала вполне недвусмысленная угроза: «Всякое скопление на улицах будет безжалостно рассеиваться пулеметным огнем».

Буквально за несколько месяцев в Ярославле советская власть успела полностью дискредитировать себя как идею, что было связано с бесконечными дразгмами, происходившими в местном Совете. Во-первых, революционеры (большевики и левые эсеры) выступали против реформистов (меньшевиков и правых эсеров). Последние контролировали профсоюзы и значительную часть активных рабочих. 9 апреля 1918 года они явились на заседание городского Совета с поддерживающими их рабочими и солдатскими депутатами и заявили о своих правах. Революционное крыло Совета отказалось признать полномочия вновь при-

бывших делегатов, а самих меньшевиков и правых эсеров едва ли не силой выгнали из состава Совета. После этого один из лидеров меньшевиков И. Шлейфер, переодевшись в солдатскую форму, проник в казармы 181-го пехотного полка и попытался поднять его на вооруженное восстание против советской власти, за что был тут же арестован и предан суду Военного трибунала. Это вызвало войну недовольства среди рабочих. В документах тех дней значилось: *«Из доклада т. Петрова выясняется обстановка, при которой произошел арест Шлейфера. Когда т. Шлейферу было предложено дать подписку в том, что он не будет вести агитацию против Советов, он отказался, говоря, что не признает существующей власти. За это он был арестован. Но на другой день Губернский исполнительный Комитет счел возможным освободить его на поруки партии, пока пленарное заседание обоих Исполнительных Комитетов не разрешит этот вопрос. Целый ряд ораторов высказывается за то, что арест Шлейфера надо признать правильным, ибо, хотя Шлейфер, как меньшевик, и не выступает открыто с призывом против Советской Власти, он своей агитацией за учредительное Собрание, странными намеками на то, что Совет Народных Комиссаров выпустил три миллиарда не известно на что и другими недостаточными приемами, подрывает в массе доверие к Советам и способствует усилению Контр-Революции. Несколько иначе освещает этот вопрос т. Мусатов — он говорит, что массы поправили и этим объясняется успех агитации Шлейфера. Как чл. объединенной партии, Шлейфер не мог вести агитацию против Советов, как таковых, и веских оснований для ареста его нет».*

Вторая линия конфликта проходила между большевиками и левыми эсерами. Однако при этом шла активная грызня и между самими большевиками, что больше походило на сведение личных счетов. Например, шла форменная

война по вопросу о демобилизации ярославского гарнизона. Одни полагали, что демобилизация гарнизона привела бы к перегрузке расстроенного железнодорожного транспорта и возможному хищению военного имущества. Фракция левых эсеров и часть коммунистов губисполкома настаивали на скорейшем исполнении приказа. Фракция коммунистов Ярославского городского Совета решила приказа не выполнять, а потребовала переизбрания губисполкома. Начался острый и затяжной конфликт между партийными фракциями губисполкома и горисполкома со взаимными обвинениями в контрреволюционности и даже арестами отдельных лиц. *«Коммунисты фракции губисполкома и городского комитета партии арестовывают друг друга»*, — писал в ЦК РКП(б) приехавший в то время в Ярославль С.М. Нахимсон, который должен был занять пост военного комиссара Ярославского округа. Форменная «дворцовая интрига» случилась, когда одна из фракций решила отставить с поста председателя губисполкома Доброхотова. Фактически ярославские скандалы, которые не прекращались ни на день, вызвали к жизни постановление о ревизии местных учреждений Российской Федеративной Советской Республики. На Высшую Советскую ревизию во главе с народным комиссаром М.С. Кедровым (опять же ярославцем), помимо ревизии военного хозяйства, возлагалось приступить к *«выяснению дела, устранению беспорядков и преступлений, восстановлению нормального хода государственных [и] общественных дел, изобличению виновных»* на местах. Первую остановку поезд М.С. Кедрова сделал в Ярославле 29 (30) мая, где он пробыл до 5 (6) июня, затем отбыл в Рыбинск, далее его путь лежал через Вологду.

О деятельности Советской ревизии в Ярославле и Рыбинске известно немного, в основном это приказы наркома М.С. Кедрова, опубликованные в ярославских «Извести-

ях», данные в архивных документах, и незначительные ремарки в исторической литературе, посвященные этому вопросу. Установлено лишь, что правительственная комиссия произвела ревизию Ярославского военного округа. В приказе по итогам ревизии наряду с положительными сторонами отмечались серьезные недостатки и упущения в работе окружного военного управления. Однако правительственная комиссия занималась не только ревизией военного хозяйства, но и вопросами партийной и общественной значимости, состоянием работы советских учреждений, рассматривала заявления. Поэтому поступившей в Высшую Советскую ревизию жалобе рабочих фабрики Сакина (название фабрики по фамилии ее бывших владельцев) на компанию Н.Ф. Доброхотова, пьянствовавшую у директора этой фабрики, вместо того чтобы выяснять и улаживать имевшиеся на фабрике производственные конфликты, придали особое значение. Помимо Н.Ф. Доброхотова назывались Ф.М. Горбунов и Ф.Ф. Большаков. Доброхотов был отстранен от должности председателя губисполкома, но оставался в качестве его члена. По рекомендации наркома, 10 июня губисполком временно возглавил Сырнев, ранее занимавший довольно скромную должность в финансовом отделе. Он был скорее техническим работником, а не политиком, и в данный момент устраивал почти все конфликтующие стороны. На Сырнева возлагалась задача — провести подготовку к губернскому съезду Советов (его открытие готовилось на 1 июля) и не допустить усиления конфликта между большевиками и левыми эсерами, которые 20 июня провели свой II (крестьянский) губернский съезд Советов, не признанный большевиками. 7 июня 1918 года, после отставки Н.Ф. Доброхотова с поста председателя губисполкома, на заседании городского комитета РКП(б) рассматривался вопрос о кандидатах на замещение этой

должности. Обсуждались две кандидатуры, в их числе Ф.Ф. Большаков. В ходе прений выступавшие высказывались против его кандидатуры, так как он был *«замешан в разных скандалах... Его политическое поведение тоже не соответствует тактике большевиков. Не замечено за ним выдержанности и стойкости по отношению к партии коммунистов»* (Г.И. Петровичев). Отмечалось, что *«авторитет Большакова уже подорван в массах и поэтому нельзя выставлять его кандидатом»*.

Кроме этого, отдельный конфликт развивался по линии «наши» и «присланные», что со временем стало приобретать откровенно антисемитский характер. Дело в том, что в Ярославль из Петрограда были присланы Семен Михайлович Нахимсон и Давид Зайкгейм. Со временем один стал председателем Ярославского губисполкома, а второй — председателем исполкома Ярославского городского совета. Это породило массу недовольных толков о том, что *«петроградские евреи узурпируют власть в Ярославле»*. И что показательно, никто их не считал «неприкасаемыми». Давид Закгейм руководил в Ярославле национализацией банков и предприятий, реквизициями. Накануне восстания он был обвинен недовольными «ярославскими большевиками» в злоупотреблениях при реквизициях и фактически находился под следствием. Семен Нахимсон накануне июльских событий пытался вызвать в Ярославль из Рыбинска отряд латышских стрелков, но его решение не поддержал горком большевистской партии. Политический кризис в Ярославле стал совершенно очевидным, когда начался Третий губернский съезд Светов. 2 июля 1918 года левые эсеры покинули съезд и создали собственный губисполком, параллельный большевистскому (возглавленному С.М. Нахимсоном). В итоге накануне ярославского мятежа в городе сложилось красное двоевластие, хотя правильнее было бы говорить о многовластии.